

Рецензируемая книга принадлежит к тому типу работ, выход которых в свет является большим научным событием. Она заменяет собой еще одну веху в развитии сопоставительно-типологических исследований функциональных систем языка [см., например, 1, 2]. Выполненная в соответствии с задачами Проблемной комиссии по теории литературных языков, работа отличается монографической целостностью. Введение и Заключение (автор М. М. Гухман) особенно подчеркивают единство замысла и аналитической методологии, присутствующих в монографии, благодаря чему удалось осуществить поставленную цель: создать типологию наддиалектного языкового существования.

Во Введении указывается, что к настоящему времени определились два круга проблем, в рамках которых развивается сопоставительно-типологическое исследование функциональных систем языка: 1) «изучение структуры тех систем, которые представлены совокупностью форм существования языка, а также рассмотрение типов их стратификации и соотношения их компонентов или стран; 2) анализ типов членения или варьирования в пределах одной из форм существования языка» (с. 3). И то и другое направление позволили обособить понятие функциональной парадигмы (в свое время этот термин упоминался Г. В. Степановым) как модели иерархического построения «системы форм существования конкретного языка» (с. 4). В ее анализе главную роль первоначально играло основное противопоставление: диалект — литературный язык. При этом главным объектом исследования всегда являлся литературный язык, особенности которого определялись сравнением с диалектом. Но именно такое сравнение и привело к обнаружению многообразия тех форм языкового существования, которые оказались оппозиционными диалекту. Все эти формы, включая литературный язык, имеют общий дифференциальный признак: наддиалектность. К установлению границ этого понятия исследователи пришли по мере растущей необходимости в констатации существования разных видов и в разной степени обособленности форм литературного языка от диалектов [см. 3].

Совместные усилия лингвистов разных специальностей, изучавших языковое состояние тех или иных языков на тех или иных этапах исторического развития, привели к возможности сгруппировать формы языкового существования, выделенные как наддиалектные, в три основных типа. Соответственно этим типам определялся состав и композиция рецензируемой книги, которая содержит три раздела: I. Язык эпической поэзии как одна из форм наддиалектной речи; II. Наддиалектные устные койне и III. Формирование письменно-литературных языков. В первых двух разделах рассматриваются особые типы наддиалектных форм существования языка, имею-

щие, во-первых, специфические строевые черты наддиалектности (полидиалектности, интердиалектности), и, во-вторых, — специфические условия функционирования, по сравнению как с диалектным речевым общением, так и с общением посредством литературного языка. В третьем разделе наддиалектность и того и другого типа исследуется в «процессуальном» аспекте, что дает возможность увидеть также разность и сходство путей образования литературного языка как высшей стадии наддиалектности для разных языковых состояний и ситуаций. В книге представлено описание языковых ситуаций разных языков в разные исторические эпохи: от наддиалектности языка гомеровского эпоса до наддиалектных свойств провансальско-каталонской поэзии XIII—XV вв. и наддиалектных явлений в языке современной итальянской художественной литературы; от первых памятников литературного азербайджанского языка до современного сосуществования литературной и разговорной форм арабского языка; от немецких и нидерландских «полудиалектов» до московского койне XVI—XVII вв.; от судеб английского языка в Америке до роли старописьменного китайского языка в Корее и Японии и т. д. Некоторые разделы книги посвящены совершенно новой проблематике в изучении отдельных языков (например, африканских и тюркских). Большинство разделов построено на тщательном анализе обширного языкового материала.

Таким образом, рецензируемая книга обладает не только неоспоримыми, но и поучительными для современного состояния нашей науки достоинствами, оценивая которые необходимо учесть следующие обстоятельства: во-первых, известно, что вплоть до самых последних десятилетий работы социалингвистического и функционально-коммуникативного направления были весьма малочисленны и нередко грешили декларативностью. Лучшие традиции советского языковедения 20-х и 30-х годов в этой области оказались частично утраченными ввиду смешения социалингвистического подхода к фактам языка с вульгарно-социологическим. Поэтому приоритет изучения внутренней структуры языков по сравнению с их «внешней системой» (термин Г. В. Степанова) долгое время оставался неизбывным. Монография «Типы наддиалектных форм языка» в ряду других работ названного направления и, в частности, монографий упоминавшегося цикла, как нельзя лучше восполняет этот пробел, отражает новый этап в увеличении интереса к исследованию языковых состояний и ситуаций.

Во-вторых, книга важна с точки зрения разработки функционально-прагматического аспекта исследования и применения соответствующего понятийного аппарата. Последствий, получивший всеобщее обоснование во Введении к книге, представляется столь же надежным инструментом для изучения языко-

вого существования, как и привычный круг сопоставительных категорий, используемых при сравнительно-типологическом изучении внутренней структуры различных языков. Все разделы книги показывают, что сходство и различие путей развития литературных языков с функциональной точки зрения, специфика диалектного и наддиалектного состояния национальных систем речевого общения и прочие смежные вопросы — есть самостоятельная, собственно лингвистическая и крайне актуальная проблематика, требующая специального внимания лингвистической общественности. К настоящему моменту в этой области уже накоплен богатый и разносторонний теоретический опыт (ср. работы М. М. Гухмаи, А. В. Десницкой, Л. Б. Никольского, Н. Н. Семешюк, Г. В. Степанова, А. Д. Швейцера и др. в 60-е и 70-е годы). И, следовательно, заинтересованный читатель теперь вправе ожидать обилия конкретных исследованных языкового существования разных систем и разных исторических эпох.

Особенно хочется отметить, что само себе состав рецензируемой книги наглядно отражает возможности сравнительного анализа языковых ситуаций. Поэтому перед специалистами тюркологом, романистом, русистом и др. в равной степени открывается заманчивая перспектива: познать функционально-социальную историю своего языка через сравнение с аналогичной стороной других языков, т. е. увидеть сходство (или несходство) не только структур, но и ситуаций.

В-третьих, существенное достоинство книги состоит, по-видимому, в том, что она не только включает диахронические исследования, но в своих основных положениях и выводах опирается именно на них. Ряд разделов книги построен так, что они как бы демонстрируют невозможность постичь и осмыслить жизнь данного языка (или языка вообще) в социуме без картины его исторического развития. Разница между синхронным описанием состояния того или иного языка (особенно современного) и историческим взглядом на изменение этого состояния — в том, что только последний способен отразить сходство и различие языковых судеб в том объеме, который адекватен постановке проблемы о статусе наддиалектных форм языка. Объединенные диахроническим подходом, многие разделы книги дают, таким образом, целостное, функционально-историческое обоснование развития разных типов наддиалектных форм языка.

Некоторые из этих обоснований представляют особый интерес, так как проявляют уникальность отдельных конкретных языковых ситуаций, их (иногда теоретически непредсказуемое) развитие. Ср., например, функционально-историческую судьбу литературных языков хауса и суахили (авторы соответствующих разделов В. Я. Порхомовский и И. С. Рябова). Исследователи установили, что суахили не имеет этнического генезиса, т. е. его образование восходит к формам, которые по своему распространению и по своей функции уже были наддиалектными:

они обслуживали обиходный «язык побережья» восточной части Тропической Африки. Именно поэтому язык суахили с такой легкостью выполнил свое предназначение — сыграл роль своеобразного эсперанто для всего восточно-африканского тропического ареала, стал литературным языком для Кении, Танзании и государственным языком последней. Напомним также о сравнительной простоте его усвоения посетителями европейских и других неродственных языков, коль скоро это оказывается практически необходимым. В то же время язык хауса, имеющий несравненно более длительную и богатую историю, глубокие культурные традиции, системные связи с высокоразвитыми языками, не стал и не мог стать ни общелитературным, ни государственным языком тех стран, в которых он распространен. Этому мешает его этногенез.

Авторы многих разделов рецензируемой книги касаются вопросов, теоретическое значение которых далеко выходит за пределы наддиалектной проблематики. Такие вопросы поставлены, например, в разделе А. Д. Швейцера «Вариативность литературного языка и модели формирования его норм». Речь идет об американском варианте английского языка, а подобные проблемы [ср. 4], как мы знаем, открывают большие сопоставительные возможности и диалектного, и наддиалектного масштаба на широком историческом и культурно-социологическом фоне. Пользуясь этими возможностями, автор данного раздела анализирует важнейшие положения формирования литературной нормативности: 1) разные пути возникновения нормы — моноцентрический, полицентрический и ацентрический, которые определились в соответствии с исторически сложившейся ситуацией распространения английского языка на новом континенте; 2) пути развития языковых инноваций, которые с точки зрения социальной структуры общества идут «сверху вниз», «снизу вверх» или же соединяют в себе два направления. Эти вопросы, в свою очередь, связаны с еще более общими и не раз поднимавшимися, но так и не получившими детальной разработки вопросами о взаимодействии территориальных и социальных (в собственном смысле) факторов развития языковой нормы. Здесь выявляются закономерности, имеющие универсальный характер. Они соответствуют ряду явлений в нормативно-литературном развитии и русского языка, вариативности его современной нормы, особенностям нелитературных форм современного русского общения. Синтез территориальных и социальных показателей лежит в основе наддиалектного статуса современного русского просторечия.

Одно из центральных положений рецензируемой монографии — функциональная специфика наддиалектных форм языка. Но, к сожалению, это положение скорее постулируется, чем анализируется, хотя его, не такие многочисленные, как хотелось бы, иллюстрации очень убедительны (современная и древняя эпическая поэзия). Между тем в мысли о функциональной специфике наддиалектных форм

языка и в том, какова ее теоретическая аргументация¹, заложено целое направление дальнейших исследований. Здесь может быть развита область функционально-стилистических наблюдений и в синхронном, и в диахроническом планах, на материале одного языка и на сопоставимом материале разных языков. Так, например, даже в русистике дело никогда не заходило дальше упоминаний о разных функциях русской и чешской обиходной речи или окказиональных сравнений некоторых частных особенностей функционирования русских и других территориальных диалектов². Между тем подобные наблюдения могут, как кажется, представить свидетельства того, что в наше время (так, во всяком случае, обстоит дело в русском языке) языковое состояние способно служить иллюстрацией некоего исторического «перерождения», когда к моменту отмирания диалектной системы национального языка формируется и упорочивается наддиалектная полифункциональная общность, соседствующая с литературным языком. С одной стороны — она выполняет первичную функцию языка, являясь средством общения для людей, недостаточно владеющих литературной нормой и, в то же время, оторвавшихся от территориально-диалектных черт в их генетическом, системном виде. Эта форма общения осуществляется при помощи набора таких полидиалектных средств языка, которые получили распространение в определенной социальной среде, регулярно эксплуатирующей нелитературную, ненормированную сферу речи. С другой стороны, у этой наддиалектной общности как бы существует и дополнительная функция — «обобществить», объединить особенности названной речевой сферы, остаться конкретным свидетельством уходящей реалии — территориального диалекта — т. е. сохранить определенный фонд просторечного языкового выражения, которое в разных видах и в разных пропорциях влетает в основное средство общения любого высоко-развитого современного национального языка — литературный язык. От этой дополнительной функции и развивается эстетическое «ответвление»: нелитературная наддиалектная общность выполняет литературные функции, становится специфическим средством языковой экспрессии, т. е. средством стилистическим.

При всем этом оппозиция «диалект — литературный язык» приобретает иные очертания; она скорее выглядит как противопоставление литературного языка — нелитературному. Причем второе понятие нуждается во внутренней дифференциации и систематическом изучении³.

¹ См., например, раздел «Наддиалектные формы в истории немецкого языка и некоторые аспекты их изучения» (автор — Н. Н. Семенюк).

² А какие возможности существуют в этом смысле, убедительно показано в разделе «К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне» (автор — Л. И. Бараникова).

³ В настоящее время в Институте русского языка АН СССР начато фронталь-

В этом также может помочь изучение художественной речи, по на сей раз письменно-литературной. С точки зрения современного состояния высокоразвитых национальных языков ее функцией является концентрирование и типизация того междиалектного инвентаря, который должен отразить разные типы нелитературного языкового общения, функционально ограниченного личной коммуникативной обиходной характера. Например, произведения современных русских писателей, обладающих точным языковым чутьем, останутся историческим свидетельством употребления этого «просеянного» и, возможно, имеющего большое будущее круга средств, который типизирует обиходную речь так называемых широких демократических кругов населения в нашей стране. Соответственно складывается картина и для других языков. В этом отношении интересно само по себе название раздела Л. Г. Степановой: «Диалектная „вспышка“ в языке художественной литературы современной Италии и ее наддиалектный характер». Оно не содержит, как это могло бы показаться на первый взгляд, никаких противоречий, потому что в разделе убедительно показаны причины и способы образования формы общения, представляющей собой (как, очевидно, и во многих других современных языках) сплав литературной и обиходной разговорной речи, просторечия, социальных жаргонов, замешанных на территориально-диалектных реликтах. Наличие тех или иных вариантов подобного субстрата и его подвижная связь с литературно-нормированным языком — непрременный признак современного языкового существования. Чрезвычайно показательно в этом смысле содержание раздела А. Г. Беловой: «Средний язык» в системе наддиалектных форм арабского языка».

В заключительном разделе книги обобщаются важные теоретические выводы, которые позволяют сделать описание типов наддиалектных форм языка: о закономерностях соотношения наддиалектных форм во времени, о типологической и конкретно-исторической преемственности между ними (см. с. 292 и далее), об узальности наличия региональных признаков в различных типах наддиалектной речи. Выделением семи перекрещивающихся признаков, по которым обособляются типы наддиалектных форм языка, подведен итог общности и различия.

Этот итог располагает, однако, и к дальнейшим размышлениям по поводу статуса наддиалектных форм языка как «промежуточных»⁴ и как «обобщающих». Несмотря на то, что на данном этапе их изучения целесообразны поиски общности, аргументирующей границы содержания

ное изучение просторечия как средства общения людей, не владеющих нормой литературного языка.

⁴ См. раздел «Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи» (автор — С. А. Миронов), а также уже упомянутый раздел, принадлежащий перу Л. И. Бараниковой.

того понятия, которое объединяется термином «наддиалектные формы» языка, — полезно отнестись к ним и с дифференцирующей точки зрения. Этого, как кажется, настоятельно требует именно функциональное направление исследований: «экстралингвистические стимулы наддиалектности бывают для литературного языка в основном или прагматическими (с. 124). Такие стимулы не могут не найти прямого отражения в составе языковых средств, квалифицирующихся как наддиалектные, что очень хорошо показано во многих разделах книги. Различия в их корпусе и в принципах их отбора вызывают некоторые сомнения относительно их одинаковой терминологической квалификации. Последняя дает примеры неоднозначного применения и колебания в понимании самого ключевого термина «наддиалектность». Ср.: «Наддиалектность гомеровского языка была как бы поэтической полидиалектностью, которая по-новому дифференцировала разнодиалектные формы...» (здесь и далее разрядка наша. — В. Т.) (с. 35); «устно-поэтическая речь остается наддиалектной, сохраняет свои строевые черты, возвышаясь по своим инвариантным качествам над территориальными признаками» (с. 43); «важно подчеркнуть, что эпические зачины не только носят наддиалектный характер, но также отличаются структурными признаками, общими для всех западнокавказских языков» (с. 54); «эти произведения всегда возвышались над повседневной речью и, как правило, все они носили наддиалектный характер» (с. 57); «наддиалектный и интердиалектный характер обнаруживается в стирании и нивелировании наиболее заметных диалектных признаков...» (с. 79); «наддиалектность «...проявляется как в чисто функциональных, социально обусловленных признаках, так и в языковых особенностях, выступающих в совокупности как критерии их отнесения к наддиалектным и интердиалектным формам...» (с. 79); «...основным критерием для выделения наддиалектных форм может служить, по всей видимости, именно функциональная характеристика, хотя функциональные различия, как правило, сопровождаются возникновением структурных противопоставлений на всех (или некоторых) языковых уровнях» (с. 199).

Подобные формулировки характерны для большинства разделов рецензируемой книги⁵. Они свидетельствуют о недостаточной четкости в соотношении термина «наддиалектность» и смежных с ним терминов «полидиалектность», «интердиалектность» («междиалектность», «разнодиалектность»), «внутридиалектность». В то же время в этой нечеткости есть и своя последовательность: выдвигание на первый план или феномена общности относительно совокупности диалектов, или изменения функции общения по сравнению с диалектным. Поэтому невольно складывается впечатление, что термин «наддиалектность», более удовлетворительным образом отвечая содержанию второго понятия, может трактоваться не как обобщающий, а как параллельный по отношению к указанным выше терминам. Возможно, что этот терминологический вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении, что, безусловно, явится мощным стимулом еще более углубленной разработки в высшей степени актуальной и увлекательной проблематики функциональной парадигмы систем языка, начатой данной коллективной монографией.

Винокур Т. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.
2. Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1978.
3. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
4. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

⁵ Заметим, что эта «политерминологичность» не всегда спасает положение. Вот высказывание автора одного из наиболее интересных разделов монографии — М. П. Славянской: «Термин „наддиалектность“, правда, не совсем точно передает диалектную ситуацию в гомеровском языке. Античность всегда отчетливо осознавала наличие в эпическом языке полидиалектности гомеровского языка близкие как бы поэтической полидиалектностью» (с. 35).

Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Под ред. Акуленко В. В. — Харьков: Вища школа, 1980. 208 с.

В сегодняшнем мире языковедам приходится решать все более сложные задачи, вызванные к жизни научно-технической революцией, сокращением расстояний, огромными социальными преобразо-

ваниями. Как никогда ранее, активными стали контакты языков. Особенно остро стоит проблема языкового барьера. Отсюда понятен все возрастающий интерес языковедов к общим чертам в языках,